

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АФИНАХ

в 403—387 гг. до н. э.

Поражение в Афинах крайних олигархов в 403 г. до н. э. привело, по мнению русского исследователя истории афинской демократии В. П. Бузескула, не только к исчезновению этого крайнего течения с арены внутренней политической борьбы¹, но и к тому, что олигархи в целом как организованная политическая сила прекращают свое существование. Этот вывод был сделан на том основании, что в IV в. в государственном строе Афин «не совершается уже крупных перемен», т. е. олигархических переворотов². Это положение было принято и некоторыми позднейшими исследователями³, искавшими участников политической борьбы в среде демократов, умеренных и радикальных. Однако гражданская война принесла поражение лишь крайним олигархам, а не олигархическому направлению в целом. Представители его еще не раз проявят себя в событиях первой четверти IV в. до н. э.⁴, что будет показано ниже. Наша задача, таким образом, сводится к следующему: рассмотреть политическую обстановку в Афинах после восстановления демократии в 403 г. и до конца Коринфской войны, когда во главе полиса снова оказались, как и в 403 г., умеренные демократы; выявить главные мотивы и цели внутренней борьбы, политические силы, противостоявшие друг другу, и показать роль олигархии в этой борьбе.

После окончания гражданской войны главная роль в жизни Афин, во внутренней и внешней политике государства принадлежала зажиточным торгово-ремесленным и финансовым слоям города; они же были и наиболее активными участниками политической борьбы, которая в первые годы после реставрации демократии велась только по вопросам внутренней политики.

Позиция основной массы сельскохозяйственного населения — средних и мелких землевладельцев — была весьма противоречивой; она изменялась под влиянием многих факторов и редко отличалась единством. В годы войны, страдая от военных расходов, разорения страны, все землевладельцы, независимо от величины своего состояния, в вопросах войны и мира поддерживали олигархическую группировку, стремившуюся к заключению мирного соглашения со Спартой. В период тирании Тридцати единства между ними не было: если крупные землевладельцы, входившие, по-видимому, в большинстве своем в состав трех тысяч полноправных граждан, поддерживали крайних олигархов, возглавлявших государство, то средние и мелкие землевладельцы изменили свою позицию, приняв сторону демократов, борющихся с тиранией, ибо при Тридцати положение их ухудшилось от постоянных беззаконий, произвола и насилия. Пос-

¹ В. П. Бузескул, «Афинская полиция» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века, Харьков, 1895, стр. 473.

² В. П. Бузескул, История Афинской демократии, СПб., 1909, стр. 410.

³ И. В. Поздеева, Внутренняя и внешняя политика Афин в 403—387 гг. до н. э., Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, М., 1962. Автор хотя и не отрицала существования «олигархических течений» в Афинах IV в. (стр. 9), но и не выделяла открытых выступлений представителей их, видя в процессах Сократа и Андокида (399 г.) «принципиальное осуждение» олигархической идеологии, завершившее борьбу победившей демократии со своим старым политическим противником (стр. 10, 16—17).

⁴ Об олигархической группировке в IV в. до н. э. см. С. Mossé, La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IVe siècle avant J.-C., P., 1962, стр. 287—295.

ле восстановления демократии опоры в этом слое находили демократы и олигархи, умеренность политических стремлений которых не ущемляла собственнических интересов этого слоя⁵.

С конца V в. до н. э. можно говорить об аполитичности самых широких кругов афинского демоса, к которой привел печальный исход Пелопоннесской войны: материальные, физические и духовные затраты афинян ничем не были оправданы; поэтому после этой войны сознание людей было занято собственным благополучием или стремлением к нему⁶. Народные собрания посещались очень неохотно, и руководителям государства пришлось изыскивать средства для платы за участие в экклесии, *ὅπως προσιστήται τὸ πλῆθος πρὸς τὴν ἐπιχόρωσιν τῆς χειροτονίας*⁷: сначала Агиррий ввел плату по одному оболу, затем Гераклид Глазоменский — по два обولا, потом снова Агиррий, уже около 392 г.⁸ — по три⁹. И это было не то обычное не посещение собраний сельским населением, занятым на полевых работах, теперь оно стало массовым, охватив средние и мелкие слои городского населения. В результате не собралось даже 6000 человек, необходимых для законности принимаемых решений.

Однако несмотря на пассивность этих слоев демоса, в самые критические моменты афинской истории все зависело от позиции и участия в событиях именно этой, наиболее многочисленной и достаточно аполитичной части афинян. Так, в 403 г. они явились главной силой в войске «ширейцев», которое предредило исход гражданской войны. В остальное же время они были слепым орудием в руках пекунских политических деятелей, борющихся между собой за главенство в государстве, что будет особенно четко видно на примере политических процессов периода Коринфской войны.

С осени 403 г. и до начала Коринфской войны можно выделить три периода укрепления демократии у власти, внутренней стабилизации полиса и постепенного выхода его на арену международных отношений и соответственно три периода политической борьбы.

В первый период (403—400 гг. до н. э.) — период реорганизации, как определил его Ж. Матге¹⁰, во главе города оказались представители «умеренного» круга Ферамена — Архин, Формисий, представлявший крайне правое крыло этой группировки (он из тех, «кто лишь случайно делил участь „ширейцев“, а душою был с „горожанами“»¹¹). Анит — лица, вошедшие после изгнания их из Афин во время террора крайних олигархов в Пирейскую группировку вместе с нею вернувшиеся в город. В своей внутренней политике они стремились к ограничению демократии, как Ферамен в 404 г. — к ограничению власти крайних олигархов. Это представители наиболее состоятельных слоев торговых, ремесленных и финансовых сфер общества, по определению Аристотеля, это — *οἱ δὲν ἐταίρια μὲν ὀβελιᾷ συγκαθεστῶτες, ἄλλως δὲ βουλομένους οὐδενὸς ἐπιλαίεσθαι τῶν πολιτῶν* (Ath. pol. XXXIV, 3), которым, в силу их заинтересованности в широких связях Афин и в создании межэллинического рынка, была чужда внутренняя замкнутость олигархии, с одной стороны, и крайне методы внешней политики радикальной демократии из-за собственнической психологии состоятельных слоев, с другой. Это те самые «средние» по своим политическим убеждениям слои,

⁵ Ср. Поздеева, Внутренняя и внешняя политика Афин..., стр. 4. Автор говорит о единой политической позиции сельскохозяйственного населения, что может быть справедливо только для военного периода.

⁶ Об индифферентизме и аполитичности афинян см. А. И. Тюменев, Афины в IV в. в кн. «История древнего мира», т. III. Древняя Греция, ч. II, М., 1937, стр. 113; C. Mossé, Histoire des doctrines politiques en Grèce, P., 1969, стр. 47—48.

⁷ Arist., Ath., pol. XLI, 3.

⁸ Aristoph., Eccl. 183—188, 300—310, 380—382. Комедия поставлена в 392 г. (Аристофан. Комедии, т. 2, М., 1954. Вступит. статья и комм. В. Н. Ярхо, стр. 496). Частые нападки в комедии на увеличение *μισθῶν* связаны, видимо, с недавним его введением.

⁹ Arist., Ath. pol. XLI, 3.

¹⁰ G. Mathieu, La réorganisation du corps civique athénienne à la fin du Ve siècle, REG, XL, 1927, стр. 116.

¹¹ Lys., XXXIV, 2.

которые вызывали симпатии Аристотеля¹² и за которыми в историографии укрепилось название «умеренной» группировки¹³.

При той пестроте сословий, которая имела место в Афинах, влияние умеренных граждан на государственные дела не могло продолжаться долго, оно неизменно приводило к господству радикальных сил. Это вынуждало умеренных, в зависимости от обстоятельств, вступать в борьбу за ограничение власти то радикальных демократов, когда политика последних приводила государство к крупным внешним потерям, как это было в 411 г., то крайних олигархов, как это произошло в 404 г., когда Ферамен пытался вторично осуществить свой старый идеал умеренной олигархии, за что он и поплатился жизнью (лишнее подтверждение невозможности осуществления этой власти в условиях Афин). И в том и в другом случае программа их сводилась к одному — к восстановлению *τῆς πατρίου πολιτείας*, т. е. к восстановлению конституции Солона (или Клисфена, как это было в 411 г., поскольку было признано, что *οὐ δημοτικὴν ἀλλὰ παραπλησίαν ὄσαν τὴν Κλεισθένουσ πολιτείαν τῇ Σόλωνος*¹⁴, так как привилегии по имущественному цензу, установленные Солоном, остались в силе и при Клисфене¹⁵, что было очень важно для состоятельных слоев афинского общества, стремившихся к ограничению демократии).

Расплывчатая формулировка этого лозунга (восстановление «отеческого строя»), определившая регрессивную цель умеренных, но не показавшая путей к ней, вела, как это подтвердила деятельность самого Ферамена, а позже и представителей его круга, к неопределенности позиции по отношению к крайним силам города — как олигархическим, так и демократическим. Это и понятно, поскольку наиболее яркий представитель этого круга — Ферамен — не стремился книспровержению того или иного крайнего строя (*οὐχ... πῖσας τὰς πολιτείας καταλύειν*), но старался, по определению Аристотеля (*Ath. pol. XXVIII, 5*), *ὡς δυναμένος πολιτεύεσθαι κατὰ πῖσας*. И когда у афинян был установлен мир (404 г.), *ἐφ' ᾧ τε πολιτεύονται τὴν πατριον πολιτείαν*¹⁶, расплывчатость этого лозунга позволила демократам стремиться к сохранению демократии (*οἱ μὲν δημοτικοὶ διασφῆξιν ἐπειρώοντο τὸν δῆμον*), лицам, принадлежавшим к гетериям и некоторым из изгнанников, вернувшимся на родину, после заключения мира — желая олигархии (*τῶν δὲ γνωρίμων οἱ μὲν ἐν ταῖς ἐταρρείαις ὄντες, καὶ τῶν φυγάδων ... ὀλιγαρχίας ἐπαθύρουσ*), и лишь сторонники умеренного курса — Архин, Анит, Клитофонт, Формисий и другие, *προεστῆκει δὲ μάλιστα Θηραμένησ — τὴν πατριον πολιτείαν ἐξήρουσ* (там же). Столь различные позиции афинян в вопросе о своем государственном строе позволили Лисандру вмешаться в их внутренние дела, приняв сторону приверженцев олигархии. И только после реставрации демократии в 403 г., когда власть после всех кровопролитий была отдана в руки умеренных граждан, было принято, наконец, под влиянием последних решение «законами пользоваться Солоновыми..., ... пользоваться также установлениями Драконта, теми именно, какими пользовались в прежнее время»¹⁷.

Таким образом, в зависимости от ситуации умеренные граждане выступали то как умеренные олигархи, то как умеренные демократы. Олигархическая или демократическая умеренность их зависела от того, к ограничению какой крайней формы прав-

¹² Arist., *Ath. pol. XXVIII, 5; XXXII, 2; XXXIII, 2*; Бузескул. «Афинская политика» Аристотеля..., стр. 139 сл. О «средних» слоях и «среднем государственном строе» у Аристотеля см. А. И. Доватур, *Политика и Полития Аристотеля*, М.—Л., 1965, стр. 43—46.

¹³ Э. Курциус, *История Греции*, пер. с 4-го нем. изд., изд. 2, т. 3, М., 1880, стр. 42; J. Beloch, *Die attische Politik seit Perikles*, Lpz, 1884, стр. 127—130; G. Busolt, H. Swoboda, *Griechische Staatskunde*, II, München, 1926, стр. 902—911, 915, 920 и др.; M o s s é, *La fin de la démocratie athénienne...*, стр. 260; В. П. Бузескул, *История Афинской демократии*, СПб., 1909, стр. 412; И. В. Поздеева, *Политические судебные процессы в Афинах в 403—400 гг. до н. э.* (По речам Лисия), ВДИ, 1961, № 4, стр. 74—77, 81, 83.

¹⁴ Arist., *Ath. pol. XXIX, 3*.

¹⁵ Ю. Белох, *История Греции*, т. I, М., 1905, стр. 207.

¹⁶ Arist., *Ath. pol. XXXIV, 3*.

¹⁷ Andoc., I, 83.

ления они стремились. Эта непоследовательность умеренных и отсутствие у них ясной программы позволили некоторым нашим авторам определить это направление как «сстрое и неопределенное умеренное крыло»¹⁸ и привели к некоторой нечеткости при попытке дать оценку их деятельности¹⁹.

Все сказанное выше позволяет нам считать не всегда приемлемым разделение умеренных на умеренных олигархов и умеренных демократов и дает возможность в случае необходимости видеть в первых представителей правого крыла умеренных, о которых часто трудно сказать определенно, были ли они олигархами или правыми умеренными (таков Формисий; о нем см. ниже), а во вторых — представителей левого крыла. Такому разделению не будет мешать их политическая непоследовательность и колебания между олигархией и демократией.

Основной задачей руководителей города после 403 г., когда еще были живы в памяти убийства и изгнания и не прошли еще взаимные ненависть и недоверие, была борьба за соблюдение амнистии, и правители употребили все свое влияние, чтобы предупредить открытый взрыв страстей²⁰. Можно предположить, что для предотвращения продолжения гражданской войны — а это могло бы случиться, окажись государственное управление в руках радикальных демократов — власть намеренно была отдана в руки умеренных (впрочем, не без содействия спартанцев²¹), более других стремившихся к миру и спокойствию. И хотя вражда между «городскими» и «пирейскими» гражданами еще много лет, по мнению Ю. Белоха, определяла характер политической жизни Афин, пока не подросло новое поколение, не принимавшее участия в событиях 404/403 г.²², и «городским» гражданам было затруднено участие в государственных делах (в судах ссылка на то, что обвиняемый некогда принадлежал к «трем тысячам» периода олигархии, почти всегда оказывала желаемое действие на присяжных, и даже пассивная принадлежность к «городским» гражданам вызывала при докимасии на какую-либо должность должност протест «пирейцев»²³), все-таки мы можем говорить, что внутренняя политическая борьба носила скрытый характер, чему способствовала амнистия, уничтожившая возможность открытого преследования за участие в олигархическом движении. И вряд ли можно согласиться с И. В. Поздеевой, которая находит в этом периоде «ожесточенную борьбу победившей демократии со своими политическими противниками»²⁴: стоявшие во главе города представители умеренной группировки пресекали всякие попытки мщения. Так, Архин потребовал немедленно казнить человека, искавшего возмездия за прошлое, и Совет согласился на казнь без суда (*ἄριστον ἀποκτείνει*)²⁵, что свидетельствует о силе умеренной группировки. И это была единственно возможная политика в те годы: иным путем не могло быть достигнуто соглашение между крайними силами города²⁶. Ожесточенный характер политической борьбы принимает в середине 90-х годов, когда афинские демократы достигли определенных успехов в восстановлении внешних политических связей и могли опереться на них в своей внутренней политике.

¹⁸ Поздеева, Политические судебные процессы... стр. 74.

¹⁹ Говоря об этих направлениях, И. В. Поздеева признала как будто полное их тождество: «умеренно-олигархическое или умеренно-демократическое направление, возглавляемое Фераменом...» (там же, стр. 76) — и (ниже, стр. 81) определила анонима, произнесшего XXV речь Лисия, как сторонника «умеренной олигархии (или ограниченной цензовой демократии)». Однако в другой работе тот же автор различал в Афинах умеренно-демократическую и умеренно-олигархическую группировки, но в вопросе о земельном цензе снова ставил между ними знак равенства (Внутренняя и внешняя политика Афин..., стр. 4). Следовательно, даже у авторов, признававших подобное разделение, наблюдалось произвольное отождествление этих направлений.

²⁰ I s o c r., XVIII, 21—23.

²¹ X e n., Hell., II, 4, 38.

²² Б е л о х, История Греции, т. 2, стр. 114.

²³ L y s., XVI, XXV, 33, 34—35; ср. XXX, 7.

²⁴ Поздеева, Политические судебные процессы..., стр. 71.

²⁵ A r i s t., Ath. pol. XL, 2; ср. I s o c r., XVIII, 21—23.

²⁶ Так же оценивал эти события M a t h i e u, ук. соч., стр. 116: «...c'est par des concessions et des compromis que se résolvent la plupart des problèmes...».

Наличие власти в руках умеренных приводило к пресечению ими дальнейшей демократизации общества: Архин обжаловал законопроект Фрасибула о предоставлении прав гражданства всем участникам борьбы за восстановление демократического строя, среди которых *ἐπίοι φανερός ἦσαν δοῦλοι*²⁷. Обжалование законопроекта Фрасибула как противозаконного и провал его означали поражение крайнего крыла демократии в вопросах внутренней политики (государственных преобразований и дальнейшей демократизации строя) и еще раз подтвердили победу в полноте умеренной политической группировки²⁸. В противоположность Фрасибулу теперешние руководители государства стремились ограничить состав гражданства: проект Формисия предоставить гражданские права только владельцам земельной собственности в случае его проведения в жизнь лишил бы всякой политической силы торгово-ремесленные и финансовые слои общества, не связанные с землей. По мнению Ж. Матье, этот проект был направлен против усиления политического влияния фетов, чего очень опасался Формисий, ибо вернувшиеся в Аттику после поражения Афин клерухи увеличили собой именно разряд гражданства²⁹. Однако это предложение имело смысл более глубокий, чем простое лишение гражданских прав фетов: оно затрагивало все слои общества, не обладавшие земельной собственностью. Кроме того, проект противоречил духу солоновской конституции, в которой в основе распределения граждан по разрядам лежал доход, а не собственность. Проект, следовательно, уводил Афины в еще более далекие времена, нежели солоновские, в те времена, когда Аттика, по замечанию У. Вилламовица-Мёллендорфа, представляла собой чисто земледельческую страну, чего Формисий мог и не предвидеть³⁰. Попытка же соединения гражданского права с правом собственности, единственная в истории Афин, изменила бы самый принцип афинской конституции, по которой гражданское право было наследственным, а это лишило бы, как считал Ж. Матье, афинское происхождение прежнего, существенного значения³¹. Еще ранее Ферамен предлагал дать права гражданства тем, кто может на свой счет приобрести тяжелое вооружение³². Проект Ферамена позволял включить в состав граждан всех состоятельных людей, независимо от их социальной принадлежности и происхождения их средств, но лишал гражданских прав мелких производителей. Провал проекта Формисия, составленного в духе олигархов³³, как и проекта Фрасибула — в духе крайних демократов, — еще одно свидетельство прочности положения умеренных в те годы. Этому немало способствовало сокращение Архином срока для записи желающих уйти в эмиграцию в Элевсин (403 г.)³⁴, уменьшившее разницу в силе группировок в пользу той из них, что стояла в оппозиции к демократическому радикализму³⁵. И осуждением Эратосфена³⁶ (одного из членов коллегии Тридцати), имевшим место, очевидно, при попытке его дать отчет о своей деятельности в коллегии, демократические круги

²⁷ Arist., Ath. pol., XL, 2. Матье видел в этом желание определенных политических кругов возместить потери гражданского населения в двух последних войнах, внешней — Пелопоннесской, и внутренней (ук. соч., стр. 115). Об уменьшении населения Афин в последний период Пелопоннесской войны см. Mathieu, ук. соч., стр. 65—67.

²⁸ W. S. Ferguson, The Fall of the Athenian Empire, САН, v. V, 1940, стр. 372; Поздеева, Политические судебные процессы..., стр. 73, прим. 18.

²⁹ Mathieu, ук. соч., стр. 109.

³⁰ U. von Willamowitz-Moellendorf, Aristoteles und Athen, B., 1893, стр. 229.

³¹ Mathieu, ук. соч., стр. 110.

³² Xen. Hell., II, 3, 48.

³³ Многие авторы видели в Формисии «умеренного олигарха» (см. Busolt, S. v. Boda, ук. соч., стр. 911), некоторые его проект считали «компромиссом между аристократией и демократией» (P. Clouhadé, La restauration démocratique à Athènes en 403 av. J. Chr., P., 1915, стр. 433), но, как справедливо отметил Ж. Матье (ук. соч., стр. 110), «в этом компромиссе олигархия имела все для выигрыша, демократия — все для проигрыша». Видимо, Формисий — пример олигарха, стремившегося участвовать в общественной жизни Афин и при демократическом строе.

³⁴ Arist., Ath. pol. XL, 1.

³⁵ Ferguson, ук. соч., стр. 372—373.

³⁶ Lys., XII. Подробнее об этом процессе см. Поздеева, Политические судебные процессы..., стр. 73—80.

пытались ослабить умеренное направление и добиться дальнейшей демократизации, ибо Эратосфен по своим политическим убеждениям принадлежал именно к умеренным, чем и объясняется то, что он *ελαχιστα τῶν τριάκοντα κατὰ εἰρησται*³⁷. И так как обвиняемый неоднократно ссылался при отчете на Ферамена, Лисий направил свои обвинения против последнего и его сторонников, т. е. против всего направления умеренных, считая необходимым осудить их как предателей и врагов демократии³⁸. Следовательно, процесс велся с позиций радикальных демократов, стремившихся укрепить свое положение в государстве³⁹.

Таким образом, хотя демократия и была восстановлена в форме V в., но умеренные руководители государства не отказались от попыток ее ограничения, чтобы не допустить к управлению государством *ὄχλον*, сторонники же неограниченной демократии не исключали возможность политической борьбы со своими противниками: процессы Эратосфена (403 г.), неизвестного лица, выступившего с XXV речью Лисия (401/400 г.)⁴⁰. Однако та и другая сторона действовали в эти годы в рамках законности. И эта борьба велась в форме открытых судебных процессов, к которым прибегали в основном радикальные демократы, сторонники проекта Фрасибула, стремившиеся либо привлечь к ответственности прямых деятелей свергнутого режима, каким был Эратосфен, либо не допустить к участию в государственном управлении даже пассивных членов «городской партии», каким был аноним из XXV речи Лисия. Нам представляется малоубедительным на основании одного лишь § 11 XXV речи считать обвинителей анонима государственными деятелями, стремившимися сохранить свое положение во главе полиса⁴¹. Этому противоречит § 1: «Я дивлюсь на обвинителей, которые вместо того, чтобы думать о своих делах, заботятся о чужих»⁴². Если бы обвинители были не частными лицами, а государственными деятелями, забота о чужих делах была бы для них долгом. Приведенной точке зрения противоречат также §§ 3, 24, 27, 29, 30, 32 той же речи, в которых аноним неоднократно обвиняет, со своей стороны, доносчиков-сикофантов, которые и возбудили, видимо, этот процесс, тем более что обвиняемый был человек с состоянием (§ 4), а значит, инициаторы суда могли рассчитывать на получение от него денег (§ 32). Следовательно, деятельность этих людей была государственной лишь постольку, поскольку они занимались возбуждением судебных процессов, но этим она и ограничивалась. В этот сложный период реорганизации они, прикрываясь своим пребыванием в Пирее (§ 33), могли ловко играть на чувствах большинства афинян, пострадавших при режиме Тридцати, возбуждая их раздражение против всех «городских» граждан, большая часть которых была состоятельной, почему и организация процессов против них имела смысл для сикофантов. Впрочем, особых усилий и не требовалось: в этот сложный период естественной была тенденция радикальных демократов не допускать к государственным должностям лиц, не принадлежавших к Пирейской группировке, тем более, что разбор подобных дел, как и данного, происходил в основном в гелиэе, в самом демократическом по своему составу афинском учреждении.

Таков был первый период укрепления Афин — период скрытой борьбы радикальных демократов за упрочение своего положения, за усиление влияния и руководящие должности в полисе.

Второй период (399—396 гг.) определялся выступлением государства против частных проявлений политического индифферентизма, охватившего все слои общества —

³⁷ L u s., XII, 89; ср. 50.

³⁸ L u s., XII, 62—79.

³⁹ Радикализм Лисия в то время не должен удивлять: оратор надеялся получить гражданские права за свои заслуги перед демократией в период ее восстановления.

⁴⁰ Датировки процессов даны по С. И. Соболевскому. См. Л и с и й, Речь, М.—Л., 1933, стр. 178, 352.

⁴¹ Поздеева, Политические судебные процессы..., стр. 81; С. И. Соболевский (Л и с и й, Речь, XXV, стр. 519, прим. 9), полагал, что речь в этом месте, как и в других, идет о сикофантах. П. Клоше считал обвинителей крайними демократами или сикофантами (ук. соч., стр. 460).

⁴² Перевод С. И. Соболевского.

от состоятельных верхов до широких народных масс. Выше отмечалась ведущая роль в жизни Афин IV в. крупных торгово-ремесленных слоев города, аполитичность средних и низших слоев демоса, возросшая под влиянием Пелопоннесской войны, и широкое распространение собственнической психологии граждан как сопутствующего аполитичности явления. Неудивительно, что в это время выявилось большое число предпринимателей, наживавших себе состояние самыми сомнительными способами. Это и сикофанты, цель которых, по определению Лисия, «привлечь к суду людей даже ни в чем неповинных, потому что от них они могут более всего поживиться»⁴³. Это и лица, злоупотреблявшие своим служебным положением, каким был Никомах, против которого направлена XXX речь Лисия, — член комиссии по пересмотру законов, затянувший ее работу на четыре года из-за прибыльности этой должности и так и не славший отчет. Кроме того, часть состоятельных граждан отказывалась выполнять литургии, утаивала размеры своих состояний, пытаясь разложить имущество на возможно большее число лиц.

Бессильные бороться с индифферентизмом как явлением, руководители государства направили свои усилия на частные проявления его, возбуждая процессы против должностных злоупотреблений, стремясь обезопасить себя от нареканий врагов и инертных граждан и укрепить тем самым свое положение во главе города. Именно на первую половину 90-х годов приходится наибольшее количество таких процессов, что позволило нам ограничить этот период 399—396 гг. до н. э.

Отсутствие сведений о политических процессах, подобных процессам первых лет, говорит о том, что они уже не были правилом, демократы, видимо, достигли определенных успехов в борьбе со своими внутренними противниками, и необходимость в процессах отпала. Можно говорить о равенстве умеренных и радикальных сил в этот период. То, что в ответ на просьбу Фиброна, готовившего военный поход в Малую Азию, дать 300 всадников афиняне «послали тех, кто служил в коннице при Тридцати, νομιζόντες χέρδος τῷ δήμῳ, εἰ ἀποδημοῖεν καὶ ἐναπόλοιτο»⁴⁴ — свидетельство такого равновесия, так как под влиянием умеренных руководителей полиса они не решились отказать Фиброну, как это сделают в 396 г., когда власть всецело будет находиться в руках радикальных демократов, но уже теперь под давлением последних в поход были отправлены лица, гибель которых не будет ими оплакана.

Этот период открывается процессом Сократа (399 г.)⁴⁵, явившимся, по мнению отдельных исследователей, выступлением против олигархической идеологии: осуждение Сократа должно было означать в глазах афинского демоса «осуждение вождей олигархии (наиболее ненавистный из них — Критий — был учеником Сократа) и принципиальное осуждение олигархической теории»⁴⁶. Но принципиально осудить олигархическую идеологию могли только радикальные демократы, тогда как нам известно, что главным обвинителем Сократа был Анит, сторонник Ферамена, один из самых умеренных граждан. Да и сами мотивы обвинения указывают, по мнению К. Моссе⁴⁷, на «группу умеренных демократов, исполненных почтения к законам и религии города и не способных, на наш взгляд, ни на какое «принципиальное осуждение». Сущность учения Сократа, как определил его Р. Ю. Вишпер⁴⁸, «не в том, что он шел навстречу желаниям определенного класса, а в том, что он проповедывал политический анархизм, отрицание государства, уход от городской жизни в частные союзы, в сектантские замкнутые общины». И в этом плане данный процесс — «как бы возражение сократовскому анархизму и политической апатии»⁴⁹, осуждение политического безраз-

⁴³ L u s., XXV, 3; VII, 39. Ср. X e n., Deipn. 4.

⁴⁴ X e n., Hell. III, 1, 4.

⁴⁵ К. Моссе (La fin de la démocratie athénienne..., стр. 260) полагает, что процесс Сократа завершает собой предыдущий период.

⁴⁶ П о з д е е в а, Внутренняя и внешняя политика Афин..., стр. 9—10.

⁴⁷ M o s s é, ук. соч., стр. 260.

⁴⁸ Р. Ю. В и ш п е р, История Греции в классическую эпоху. IX—IV вв. до Р. Х., М., 1916, стр. 426.

⁴⁹ Там же.

личия, которое истинным гражданам должно было казаться худшим из зол⁵⁰. И в общем ряду процессов первой половины 90-х годов процесс Сократа является первым выступлением руководителей полиса против индифферентизма граждан.

Третий период приходится на середину 90-х годов, когда с упрочением внутреннего положения и с ростом оппозиции спартанской гегемонии в Элладе стало возможным для Афин решение внешнеполитических задач, а в связи с этим руководящая роль в городе целиком перешла к радикальным демократам — Эпикрату, Кефалу, Агиррию, возглавившим те силы, которые во что бы то ни стало желали довести город до открытого конфликта со Спартой⁵¹. Их радикальность, как совершенно верно отметил А. И. Тюменев⁵², ограничивалась лишь вопросами внешней политики; относительно внутреннего устройства Афин они были людьми «скорее умеренного, чем радикального образа мыслей», что объясняется, на наш взгляд, их принадлежностью к состоятельным торгово-ремесленным и финансовым слоям города.

Большинство афинян, пострадавших в предшествующую войну или при режиме олигархов, желало бы начала новой войны, которая могла бы вернуть им их состояния, клерухии, доверие за пределами Аттики или найти источники новых прибылей. Однако многие из граждан, сумевшие сохранить или даже увеличить в печальное для Афин время свои состояния и защищенные против репрессий амнистией, были удовлетворены таким положением и стремились только к сохранению в силе мира⁵³, разрыв которого был обеспечен, впрочем, самим разгромом Афин, лишившихся союзников, морского могущества и финансовых ресурсов⁵⁴.

Почти все афинские политические деятели, стоявшие во главе государства в первой половине IV в., видели свою основную задачу в восстановлении утраченного морского могущества Афин, чего особенно требовали интересы торгово-ремесленных слоев демоса. Относительно необходимости решения основной задачи внешней политики Афин разногласий среди политических деятелей не было, но при первых попытках ее осуществления единодушие нарушилось из-за способов достижения цели. Одни из руководителей внешней политики — Агиррий, Эпикрат и Кефал — настаивали на необходимости энергичных действий и насильственного подчинения отпавших некогда союзников, не останавливаясь перед военными средствами достижения цели⁵⁵ (оживлению мыслей о подобных средствах способствовало возникновение около середины 90-х годов антиспартанской коалиции греческих городов). Другие — Каллистрат, например, — предпочитали добиваться объединения союзников мирным путем.

Таким образом, на третьем этапе позиции афинян отличались не отношением к разрешению внутренних проблем, как это было после 403 г., но отношением к решению внешних задач. В связи с этим выступают две группировки — провоенная и антивоенная, отстаивающие разные пути достижения основной цели. Остатки разбитой олигархической группировки (элеусинские олигархи после гибели своих вождей вернулись в 401 г. в Афины, усилив тем самым оппозицию) с ее традиционной ориентацией на Спарту придерживались антивоенного направления в политике. Наиболее активные демократические элементы, нуждавшиеся в скорейшем возвращении Афинам бывшего величия, были сторонниками войны. Умеренные круги афинского общества меняли позицию под влиянием международной ситуации: в канун Коринфской войны, видя крупнейшие полисы Эллады в лагере противников Спарты, они, вероятно, не противились военным средствам восстановления морского могущества Афин; в начале войны, находясь под впечатлением первых успехов в борьбе с Лакедемоном, они поддерживали провоенную группировку, ибо внешний рынок был нужен любому афинско-

⁵⁰ Ср. P l u t., Sol. 20.

⁵¹ Hell. Оху. II, 2.

⁵² А. И. Тюменев, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. 3, Пг., 1922, стр. 27, прим. 1.

⁵³ Hell. Оху. I, 3.

⁵⁴ P. C l o s h é, Le monde grec aux temps classiques (500—336 av. J. Ch.), P., 1958, стр. 190.

⁵⁵ Hell. Оху. II, 2.

му ремесленнику, торговцу или финансисту, независимо от его взглядов, радикальных или умеренных; в период ухудшения положения антиспартанской коалиции и нового сближения Спарты с Персией международное положение Афин ухудшилось, и в городе усилилось недовольство затянувшейся войной, достигшее значительной силы в 392/1 г. в связи с мирными переговорами, проходившими в Спарте⁵⁶. Эти переговоры, как и первые — в Сардах в 393/2 г., закончились безрезультатно. Однако умеренные поддерживали в этой ситуации антивоенную группировку, стоявшую за заключение мира со Спартой.

С этого времени центральным вопросом, вокруг которого ведутся основные споры, стал вопрос о мире. После конгресса в Спарте в Народном собрании с речью *πρὸς τὴν πρὸς Λακωνικῶν εἰρήνην* выступил Андокид, положив начало дебатам о заключении мира. Это было второе вынесение вопроса о мире на рассмотрение экклесии, как заметил сам Андокид⁵⁷. Первое, надо полагать, имело место после переговоров в Сардах.

Это были годы некоторого равновесия сил. Включение в состав посольства Андокида, принадлежавшего и по происхождению и по настроениям к аристократическим кругам афинян, и одновременно Эпикрата, человека, по мнению Демосфена⁵⁸, преданного демократии, говорит об успехах антивоенной группировки, которые не могли быть достигнуты без поддержки умеренных сил, и о некоторой прочности позиций радикальных демократов: Эпикрат вошел в состав посольства как представитель последних.

Предварительные условия мира (Афинам возвращались острова Скирос, Лемнос и Имброс; разрешалось восстановить Длинные стены, что уже было сделано Кононом, и иметь столько кораблей, сколько афиняне пожелают подверглись серьезной критике сторонники продолжения войны. Эти условия ничего не говорили о плодородном Херсонесе, так страстно желаемом разоренными афинянами. Недовольных переговорами о мире оставалось еще достаточно много. Члены посольства понимали это и, не рассчитывая на быстрое принятие условий мира, позаботились о предоставлении согражданам возможности долгого обсуждения, выговорив у лакедемонян сорокадневную отсрочку для сообщения окончательного решения. Торжественная речь оратора не имела успеха. Более того, по предложению Каллистрата послов отдали под суд, обвинив в нарушении данных им предписаний. Настроение народа было таково, что послы, не ожидая решения суда, добровольно удалились в изгнание⁵⁹.

Таким образом, усиление антивоенных сил — олигархов как наиболее решительной части и присоединившихся к ним в этом вопросе умеренных — было недолгим. Провоенная группировка имела еще значительное число сторонников и отклонение условий мира — свидетельство того. Но радикальные демократы быстро теряли позиции. Начало 80-х годов IV в. отмечено новым усилением антивоенной группировки, о чем свидетельствует громкий политический процесс 389/8 г. над стратегами военной экспедиции Фрасибула Стиррийца. Экспедиция была снаряжена радикальными демократами для обеспечения афинского влияния в проливах и укрепления его на Кикладских и Спорадских островах, где оно пошатнулось в связи с успехами спартанского флота⁶⁰, усиленного финансовой поддержкой Персии⁶¹.

Флот Фрасибула хорошо был принят у фракийских берегов — на Фасосе, Самофракии, в городах Херсонеса Фракийского, в Византии, Калхедоне. С помощью де-

⁵⁶ Здесь дана датировка переговоров о мире, принятая большинством историков: Белох, ук. соч., стр. 163; М., Сагу, *The Ascendancy of Sparta*, САН, 1933, VI, стр. 51; Н. Бенгтсон, *Griechische Geschichte*, München, 1950, стр. 249; Р. Слосхё, *La politique étrangère d'Athènes de 404 à 338 av. J. C.*, P., 1934, стр. 20—21. В. Юдаих (W. Judeich), *Die Zeit des Friedensrede des Andocides*, «*Filologus*», 81, 1926, стр. 149) дает слишком раннюю датировку — 393/392 г. до н. э.

⁵⁷ *Andoc.*, III, 33.

⁵⁸ *Dem.*, XIX, 277.

⁵⁹ *Didym.*, VII, 1, 20—25.

⁶⁰ Хенн., *Hell.* IV, 8, 22, 28; Диод., XIV, 94, 3; 97, 3—4.

⁶¹ Хенн., *Hell.* IV, 8, 16.

мократов Митилены и многочисленных изгнанников Фрасибул освободил от спартанских гармостов и лаконофильских олигархов большинство городов Лесбоса, содействовал изгнанию олигархов и возвращению демократов⁶². Таким образом, в результате его деятельности в Эгейском море не только проливы, но и почти все важнейшие пункты Киклада и Спорад снова оказались на стороне Афин. Их флот контролировал даже южное побережье Малой Азии: в их руках находились Клазомены⁶³, Галикарнасс⁶⁴, Памфилия⁶⁵. Но материальное состояние флота Фрасибула было весьма неважным: эскадра с трудом была снаряжена афинянами, так как раньше флот содержался на деньги персов, отказавших в 392 г. Афинам в денежной помощи⁶⁶, и после выхода Фрасибула в море казна не могла взять на себя заботу о жаловании матросам, о ремонте судов и т. п. И афинские стратеги, вынужденные сами добывать средства, обратились «к спартанским методам ведения войны»⁶⁷, к разграблению малоазийских берегов⁶⁸. Раздраженные вторичным сбором дани жители Аспенда напали ночью на плохо охраняемый лагерь афинян и убили Фрасибула⁶⁹.

Но еще до гибели стратега соотношение политических сил в Афинах изменилось: верх одержали противники внешней политики Фрасибула, точнее — методов ее. Не исключено, что это были его старые враги (по 403 г.), которые, испугавшись роста успехов вождя демократов, воспользовались его отсутствием, чтобы начать широкую агитацию против него самого и его деятельности. Огромная популярность Фрасибула — восстановителя демократии в Афинах — не позволяла бороться с ним открытыми методами. Агитация должна была вестись против крайних средств удержания союзников, и противники Фрасибула это хорошо понимали: обвинитель, выступивший в процессе против главного помощника наварха с XXVIII речью Лисия избегает много говорить о вожде демократов: «Фрасибул, афиняне, хорошо сделал, умерев так, как он умер (и нет необходимости говорить о нем более — οὐδὲν γὰρ δεῖ περὶ αὐτοῦ πλεῖον λέγειν)...», — и понимая, что наварх имел колоссальные заслуги перед афинским народом, которые обойти молчанием нельзя, и в то же время не желая останавливаться на них, обвинитель добавляет: «... не следовало и погибнуть ему теперь от ваших рук, так как, кажется, он сделал вам к а к о е - т о д о б р о» (οὐθ' ὄφ' ὀμῶν ἀποθανεῖν ἤδη τι δοκοῦντα ὑμᾶς ἀγαθὸν πεποιθῆναι — § 8)⁷⁰. Обвинитель более чем «скромен» в оценке заслуг Фрасибула и больше не упоминает его в своей речи, хотя подготовительная кампания велась именно против него.

Агитация противников Фрасибула имела успех: было принято решение вызвать наварха с отчетом в Афины (§ 5), а после его гибели, удивительно «своевременной», был возбужден громкий политический процесс против его главного помощника — Эргокла, одного из активных участников борьбы за восстановление демократии в 403 г.

Видимо, Эргокл понял, что обстановка в Афинах изменилась, противники Фрасибула почувствовали себя свободнее и вызов наварха с отчетом в разгар успешных действий не мог предвещать ничего хорошего (мотивы возможного обвинения, вероятно, не были известны). Советы Эргокла Фрасибулу не ехать в Афины для отчета (§ 5), если таковые действительно имели место, могут показаться вполне естественными в той обстановке. После гибели Фрасибула эти советы выдвигались в качестве доказательства вины Эргокла. Однако сомнительность их очевидна, ибо, если Эргокл понимал опасность возвращения в Афины Фрасибула, то он должен был оценить и то, что те-

⁶² Х е п., Hell. IV, 8, 28—29.

⁶³ IG, II², 28.

⁶⁴ L y s., XXVIII, 17.

⁶⁵ Х е п., Hell. 8, 30; D i o d., XIV, 99, 4.

⁶⁶ Х е п., Hell. 8, 14, 16.

⁶⁷ В. Н. Дьяков, Греция в первой половине IV в. до н. э., в кн. «Древняя Греция», М., 1956, стр. 413.

⁶⁸ Восстановление Фрасибулом афинской таможни в Византии для взимания 10% сбора с кораблей, идущих из Понта, и введение 5% пошлины в союзных городах со всех ввозимых и вывозимых товаров либо не успели еще дать нужных средств, либо Фрасибул не имел права использовать их как принадлежащие государству.

⁶⁹ Х е п., Hell. 8, 30; D i o d., XIV, 99, 4.

⁷⁰ Здесь и далее разрядка моя.— Г. З.

перь вся ответственность падет на остальных стратегов, и прибытие его в Афины в этом случае представляется в высшей степени неразумным. Присутствие стратегов (§§ 2, 12) и Эргокла на процессе заставляет предположить обратное: Эргокл недооценил опасности возвращения и, следовательно, вряд ли мог давать предостерегающие советы Фрасибулу.

Эргоклу были предъявлены обвинения всех возможных в данной ситуации видов: в политических преступлениях — советовал Фрасибулу овладеть Византием (Θρασυβούλω συνεβούλευε Βυζάντιον καταλαβεῖν — § 5), задержать флот при себе (τάς ναῦς ἔχειν — § 5), предавал врагам города (πβλεις προδεδωκώς φαίνεται — § 1); в финансовых — присвоил 30 талантов казенных денег (τριάκοντα τάλαντων οὐσίαν ἐκτῆσατο — XXIX, 2); в моральных — оскорблял афинских граждан и прокшенов ([προ]ξένους καὶ πολίτας οὐμτέροους ἤδικηκώς — § 1), подкушал народ (πενταχόσιοι μὲν αὐτοῖς εἶησαν ἐκ τοῦ Περραιῶς δεδεκασμένοι, ἑξακόσιοι δὲ καὶ χίλιοι ἐκ τοῦ ἄσπεως — XXIX, 12); в должностных — содержал суда в плохом состоянии (τάς ναῦς ... καταλυομένας — § 2).

Ввиду важности этого дела процесс проходил в Народном собрании (обвинение было выдвинуто в форме исангелии). В деле Эргокла выступило несколько обвинителей с речами (одна из них — XXVIII речь, написанная Лисием для неизвестного лица)⁷¹. В итоге Эргокл был казнен, имущество его конфисковано (оно оказалось небольшим), 30 талантов казенных денег не нашли. Возникло подозрение, что деньги спрятаны кем-либо из его близких. И выдвигается новое обвинение — против его триерарха и казначея — Филократа. Процесс разбирался в гелиэе, обвинителей было меньше, чем ожидалось (§ 1), но и Филократ был осужден.

Самым тяжелым деянием военного времени, когда афинская казна в основном превратилась в пустой, наряду с намерением ниспровергнуть демократию, было финансовое преступление. Поэтому обвинитель неоднократно подчеркивал, что стратеги разбогатели на народные деньги: «Эргокл... из бедняка стал богачом на ваши деньги» — ἐκ πτωχότητος ἐκ τῶν ὑμετέρων πλοῦσιος γέγονημένος — § 1; «а они [стратеги. — Г. З.], бедные и немужские при отправлении в плавание, так скоро стали обладателями величайшего среди граждан состояния — τούτους δὲ πτωχῆτας καὶ ἀπόρους ἐκπλεύσαντας οὕτω ταχέως τῶν πολιτῶν οὐσίαν κερτιμένους (§ 2); «они... богатством обладают... — πλουτοῦσι» (§ 7); «... наворовав у вас как можно больше» — ...πλεῖστα τῶν ὑμετέρων ὑφελόμενοι (§ 10) и др.

Процесс был очень хорошо подготовлен: обвинитель настолько уверен в общественном мнении, что вроде бы не сомневается в поведении народа и в случае, если бы главным подсудимым был Фрасибул («не следовало и погибнуть ему теперь от ваших рук» — § 8), а прибывший вместо него для отчета Эргокл так и не получил слова. Это можно предположить с полной уверенностью, потому что в речи на него нет ни одной ссылки. Но обвинитель попытался предугадать характер защитительной речи Эргокла: «Эргокл не станет оправдываться по поводу Галикарнасса или своей должности, или своих действий, а укажет на то, что он вернулся из Филы, что он друг народа и делал с вами опасности» (ὡς ἀπὸ Φυλῆς κατῆλθε καὶ ὡς δημοτικὸς ἐστὶ καὶ ὡς τῶν κινδύνων τῶν ὑμετέρων μετέσχευ — § 12).

Была ли борьба мнений вокруг этих процессов, выяснить почти невозможно. Однако представляется реальным ответить на другой вопрос — мнение каких кругов выражал обвинитель, требуя, несмотря на отсутствие доказательств, смертной казни для стратега-демократа, участника свержения олигархии, ведь даже такого неоднократно предателя Афинского государства, каким был Алкивиад Старший, всего лишь изгнали (и тоже в военное время). Здесь же звучит требование казни в самых резких выражениях. В литературе⁷² существуют разногласия по этому вопросу. Считать эти

⁷¹ Со болевский, Введение к XXVIII речи, в кн.: Лисий, Речь, стр. 381—382; F. V l a s s, Die attische Beredsamkeit von Gorgias bis zu Lysias, Lpz, 1868, стр. 450.

⁷² С л о с ъ е, ук. соч., стр. 41; П о з д е е в а, Внешняя политика Афин в 394—386 гг. до н. э., ВДИ, 1959, № 1, стр. 108 сл.

процессы выступлением умеренных демократов⁷³ нет оснований. Наиболее богатая часть демоса, связанная с внешними рынками (трапедзиты, торговцы, ремесленники), не могла быть против восстановления морской державы. Ей должны были быть безразличны и пути достижения этого; неудовольствие могло выражаться лишь по отношению к затяжной войне, так как в этом случае рассматриваемой части демоса приходилось «страдать» от налогов. Но вряд ли тяжкими были эти страдания, поскольку люди, занятые торговлей, как правило, не владели землей⁷⁴. Они могли опасаться отпадения союзников, и с некоторой натяжкой можно допустить, что, недовольные таким оборотом политики Фрасибула (жалобы союзников), они не оставались безразличными в ходе подготовительной кампании, приняв возможно какое-то (но не главное) участие в агитации против него и голосовав за вызов его в Афины. Логичнее было бы допустить, что вся подготовительная кампания против Фрасибула и стратегов была делом рук старых противников наварха, которых после амнистии 403 г. и особенно после возвращения элевсинских олигархов в 401 г. было много в Афинах. И уж никак не могли умеренные демократы, судя по резкому характеру процесса, быть обвинителями стратегов: на протяжении всей речи звучало требование смертной казни для подсудимых (§§ 1, 3, 11 и др.). Да и не могло быть такого резкого разделения во взглядах демократов, тем более, что в данное время интересы всех демократов по вопросам внешней политики, как уже отмечалось, в основном совпадали: восстановление связей с внешним миром.

Желание же «показать прочим эллинам» (τοῖς ἄλλοις Ἑλλήσιν ἐπιδείξει — § 15), что афиняне «наказывают виновных и исправляют своих должностных лиц» (ὡς τοὺς ἀδικούντας τιμωρεῖσθε καὶ τοὺς ὑμετέροισι ἀρχοντας βελτίους ποιήσετε — § 15), не может служить аргументом в пользу наступления умеренных сил, ибо естественнее было бы для них «прийти на помощь» галикарнасцам, изгнав стратегов из Афин; в этом случае оставалась бы возможность использования их в будущем. Подобные прецеденты уже имели место: изгнанного Алкивиада избрали в 411 г. стратегом; Конон после добровольного изгнания благодаря своей деятельности стал первым человеком в Афинах; но, с другой стороны, Конон именно потому и не вернулся после битвы при Эгоспотаме в родной город, что афинская демократия допускала сколь угодно широкую борьбу мнений в Народном собрании и это использовалось противниками ее при любой неудаче демократов для возбуждения против них гнева народа. И тот факт, что наибольшей остроты борьба достигала в отсутствие вождей демократической группировки, говорит о постоянной готовности к борьбе их противников, как это было, например, в случае с Эргоклом. Маловероятно, чтобы разногласия по вопросу о путях возрождения союза между крайними демократами и умеренными гражданами были настолько велики, что принимали форму открытой вражды. Процесс же явно имел целью обезглавить демократическую группировку. О Фрасибуле «нет необходимости говорить более», оставался Эргокл, который, видимо, стал бы одним из руководителей демоса, если бы не произошли рассматриваемые события. Не стоит видеть в олигархах того времени массу, способную лишь усиливать то или иное крыло демократов, но неспособную на самостоятельные выступления. Это представление базируется на отсутствии в IV в. олигархических переворотов. В. П. Бузескул, не считавший афинских олигархов после низложения Тридцати организованной политической силой, не отрицал, однако, что и в IV в. происходила внутренняя борьба, которая велась подчас «с большим ожесточением». Обычно она сопровождала «перипетии внешней политики Афин» и носила «характер политический»; иногда она принимала «характер социально-экономический, классовый, а иногда трудно даже уловить крупный, руководящий мотив ее». Причины, видимо, крылись не столько в «принципах и программах», сколько в «личном честолюбии и соперничестве, алчности и интригах»⁷⁵. Это положение В. П. Бузескула развивается И. В. Поздеевой, которая, не считая олигархов силой,

⁷³ Там же, стр. 109.

⁷⁴ Л. М. Г л у с к и н а, Эйсфора в Афинах, ВДИ, 1961, № 2, стр. 38.

⁷⁵ Б у з е с к у л, История Афинской демократии, стр. 410.

видит оппозицию в лице умеренных демократов. Таким образом, борьба как бы происходила в среде самих демократов из-за «личного честолюбия и соперничества». Но олигархи, находившиеся в городе и неспособные организовать переворот, были в состоянии, однако, составить оппозицию, тайную и явную. К тому же умеренные в силу нечеткой своей программы, в силу примиренческих в целом позиций не способны были на столь решительные выступления.

Но если умеренные и не были инициаторами процесса над стратегами, то маловероятно, что они оставались равнодушными в ходе его. Оратор очень искусно использовал в обвинительной речи (Lys., XXVIII) интересы этой группировки, убеждая всей речью, что стратеги «считали себя чуждыми полису» (*ἀλλοτρίους τῆς πόλεως* — § 6), и призывая *παράβουλι πάλιν ἀνδραγαθὸς παύσαι...* покарвав виновных (§§ 11, 15, см. также §§ 10, 17: требование высшей меры наказания проходило красной нитью через всю речь, оно есть в каждом параграфе, если не прямое, то косвенное).

По мнению П. Клоше ⁷⁶, инициаторами процессов могли быть те, для кого подобная политика демократии являлась обременительной (политика, направленная на выход Афин из изоляции, на расширение связей с внешним миром, на возрождение Афинского союза, что на данном этапе могло быть достигнуто лишь военными средствами, т. е. провоенная политика), так как с ней были связаны дополнительные расходы в виде сборов, налогов с доходов граждан. И ненавистной была не столько конечная цель этой политики, сколько военные средства достижения ее, более всего обременявшие этих людей. Об их социальном положении можно судить из следующих слов оратора: «...было бы странно, если теперь, сами страдая от военных налогов (*αὐτοὶ περὶ βλάβης τῆς εἰσφοράς*), вы оказали бы снисхождение воров и взяточникам, тогда как в прежние времена, когда и ваши дома были богаты (*τῶν οἰκῶν τῶν ὑμετέρων μεγάλων εὐτῶν*) и государственные доходы велики, вы наказывали смертью посягавших на ваше состояние» (*τοὺς τῶν ὑμετέρων ἐπιβουλοῦντας* — § 3). И не потому ли в начале речи, сразу после перечисления преступлений стратегов (§§ 1, 2), обвинитель явно обращался к наиболее зажиточному слою афинян, имевшему некогда состояния, а теперь выплачивавшему наиболее высокие налоги ⁷⁷, к слою, который при всякой неудаче подавал голос протеста в Народном собрании, что именно его представители были наиболее активными подготовителями процесса и сам он принадлежал к ним? Эти лица, среди которых преобладали крупные землевладельцы (так как они страдали от военных налогов), и составляли большую часть олигархической группировки. А затем (на протяжении всей остальной речи) обвинитель обращается к другой части афинских граждан, к той, которой пужно было значительно дольше внушать, сколь велики были преступления стратегов (внушать, но не доказывать, ибо доказательств нет: не привлечено ни одного свидетеля, даже из «обиженных» галикарнасцев ⁷⁸, что странно для Лисия, старавшегося не быть голословным и всегда широко использовавшего свидетелей ⁷⁹; очевидно, их не было; не было и предаваемых городов, иначе они были бы названы в речи). И именно в этой более значительной части речи обвинитель и требует «показать всем, что нет такого количества денег, чтобы заставить вас оставить виновных без наказания» (§ 9, см. также §§ 11, 15), предлагая как бы купить ценой гибели стратегов союз с городами. Последнее особенно ярко звучит в конце речи: «...если вы подвергнете подсудимых высшей мере наказания, галикарнасцы и прочие, ими обиженные, будут думать, что хотя они (стратеги. — Г. З.) и погубили их, но вы пришли им на помощь» (*ὁμᾶς δ' αὐτοῖς βεβρωθήκειναι* — § 17). Следовательно, в этой части речи обвинитель обращается к заинтересованным в союзе — к первому рассмотренному здесь слою афинских граждан (см. выше, стр. 111) и к демосу в целом, который он убеждает и запугивает: они «более не хотят быть подвластными,

⁷⁶ Cl o s h é, ук. соч., стр. 43.

⁷⁷ Г л у с к и н а, ук. соч., стр. 38.

⁷⁸ Даже если перед нами *ἐπιλόγος* и тогда представляется сомнительным выступление свидетелей: дошедшая речь не содержит ни одного упоминания, ни одной ссылки на них.

⁷⁹ Речи XII, XIII, XVI, XX, XXII, XXIII.

но стремятся править вами» (ὄμων ἄρξοντες — § 7), — призывает к неподкупности (§ 10) и т. п., т. е. обращается к чувствам демоса, умело используя его слабости. Он неоднократно подчеркивает бедственное положение афинян, противопоставляя народу обогатившихся стратегов: «...насколько это от них зависит, вы находитесь в ужасной опасности (ἐν τοῖς δεινοτάτοις κινδύνοις καθεστῆκατε), так что много справедливее будет, если вы сможете пожалеть не их, а себя и ваших детей и жен за то, что вы тершите позор от таких людей» (§ 14, см. также §§ 3, 11).

Для усиления впечатления в речь введен допуск некоторых событий, которые не имели места в действительности: «...боясь за украденные деньги, они... готовы учреждать олигархию (ὀλιγαρχίαν καθίστασαι), словом, всячески стараться, чтобы каждый день вы были в самой ужасной опасности» (§ 7). Ниже обвинитель уже утверждает: «...кто при таком бедственном положении вашем предаст города врагам, тот предаст врагам также стены и флот и вместо демократии учредит олигархию» (ὀλιγαρχίαν ἐκ δημοκρατίας καθίστησιν — § 11).

Что же касается неоднократно упоминавшегося в речи предательства городов, то в этом можно видеть риторическое обобщение: злоупотребление со стороны стратегов своим должностным положением по отношению к союзникам ослабляло демократические силы в союзных городах, усиливая тем самым местных олигархов, а это могло рассматриваться как предательство. Однако, сколь часто были эти злоупотребления, сказать нельзя: ни одно из выдвинутых обвинений не доказано в речи. Обвинения политического характера, пущенные в ход против Эргокла, не соответствуют той поддержке, которую Фрасибул оказал демократам Фасоса и Византии⁸⁰. До нашего времени сохранилась лишь речь Лисия, возможно, даже ее заключительная часть. Защитительная речь Эргокла, подтвердившая бы меру вины стратегов, вряд ли имела место. В речи же Лисия намеренно не учитывается роль внешнеполитических факторов, которые могли как-то смягчить вину стратегов, и более того, обходится молчанием их прошлое, словно обвинитель опасался, как бы эти воспоминания не поколебали афинян (лишь как бы между прочим упоминается «какое-то доброе дело» Фрасибула — § 8 и возвращение Эргокла на Филы — § 12). О стратегах везде говорится как о врагах⁸¹.

Из всего сказанного следует, что наиболее вероятные инициаторы процессов — олигархи, и значит, не стоит их (процессы) считать «честью афинян», как это делал В. Н. Дьяков: «К чести афинян следует сказать, что по жалобе обиженных союзников в Афинах было возбуждено громкое дело о злоупотреблениях стратегов»⁸². Самую верную оценку процессу Эргокла, на наш взгляд, дал П. Клоше, другие же авторы либо слишком доверяют источнику (В. Н. Дьяков), либо преувеличивают борьбу демократов между собой (И. В. Поздеева⁸³), не придавая значения тому, что процесс Эргокла противоречит самой сущности умеренных граждан, никогда не доходивших в борьбе до резких форм.

Это было время, когда антивоенные силы, используя ухудшение внутреннего экономического и финансового положения города, военные неудачи афино-филианской коалиции в связи с поддержкой Персией Спарты, выступают все более решительно, стремясь дискредитировать и уничтожить прежде всего вождей провоенной группировки. А в самом конце войны, когда их постигла очередная неудача — посланная по инициативе Аристофана на помощь Эвагору афинская эскадра была захвачена спартанцами, — политическая борьба в Афинах достигла своего апогея. Выступления антивоенной группировки и олигархов, как наиболее решительной части ее, приняли откровенно враждебную форму по отношению к демократам, последовательно выступав-

⁸⁰ С l o s h e, ук. соч., стр. 42.

⁸¹ В. П. Бузескул (ук. соч., стр. 41) видел основную причину успеха этих процессов в «боязни тирании»: в Сицилии «был живой пример тирании в лице Дионисия. На этом чувстве демоса сыграли в р а г и Ф р а с и б у л а, которые воспользовались жалобами союзников» (разрядка моя. — Г. З.).

⁸² Дьяков, ук. соч., стр. 413.

⁸³ Поздеева, Внешняя политика Афин..., стр. 109.

шим за продолжение войны. Воспользовавшись захватом эскадры, они вызвали взрыв народного гнева против инициаторов столь сомнительного для Афин предприятия. Теперь для этого нужны были еще меньшие усилия: чем дольше продолжалась война, тем труднее становилось положение Афин и тем сильнее было недовольство демоса, жаждавшего решительных побед, но не мирившегося с безрезультатной войной, которая не давала экономических выгод ни казне, ни широким массам. Антивоенный лагерь должен был значительно усилиться к концу войны за счет этих бывших сторонников ее начала и продолжения. Гнев народа, вызываемый его же собственными противниками, обратился против тех, кого общественное мнение сделало ответственным за последние неудачи ⁸⁴.

В общем ряду политических процессов последних лет находится и осуждение Никофема и Аристофана, инициаторов помощи Кипру, которых, по всей вероятности, привлекли к ответственности по обвинению в «обмане народа» (что в случае осуждения каралось смертной казнью) ⁸⁵. Причина привлечения к суду Никофема, жившего на Кипре, вероятно, в том, что он в письмах к сыну или даже, может быть, в официальных письмах к народу поддерживал просьбы кипрских послов, обещая богатое вознаграждение со стороны Эвагора за все издержки афинян на это предприятие (Lys., XIX, 23). А возможно, что именно Никофем посоветовал царю отправить это посольство в Афины ⁸⁶. В Афинах обвиняемые были заключены в тюрьму с полной изоляцией, так что их никто не видел после ареста. Без суда (или без соблюдения нормальных форм судопроизводства. — Lys., XIX, 23) они были приговорены к смертной казни, «прежде чем кто-либо мог прийти им на помощь» (πρὶν παραγενέσθαι τινὰ αὐτοῖς ἐλεγχόμενος ὡς ἤδικον) и «даже их тела не отдали родным для погребения» (οὐδὲ γὰρ θάψαι τὰ σώματα αὐτῶν ἀπέδοσαν — § 7) — случай, явно беспрецедентный в истории Афин. Их афинское имущество было конфисковано.

Отношение Афин к этим событиям неизвестно. Отголосок их — XIX речь Лисия, произнесенная в защиту имущества Аристофана братом его вдовы, вынужденным содержать его семью. Но открытого процесса обвинители почему-то опасались и постарались покончить с подсудимыми негласно. Впрочем, можно думать, что положение их было настолько твердым, что они небезосновательно рассчитывали на безнаказанность противозаконных действий. Трудно точно установить, было ли это дело рук личных врагов Никофема и Аристофана, а может быть, и Конона — друга Никофема, или это разгул противников военного курса радикальных демократов. В обстановке постоянной политической борьбы и судебных процессов к суду могли привлекать неоднократно и по личным мотивам. Однако этот процесс носит явно политический характер: в городе было немало пролакопски настроенных граждан, для которых война была и моральным (в силу их политических убеждений и симпатий) и экономическим ущербом, связи же Афин с Египтом и Кипром могли продлить войну. Следовательно, этот процесс можно рассматривать как очередное выступление антивоенных сил. Обращает на себя внимание все та же методика подготовительной кампании: осуждение Никофема и Аристофана произошло в их отсутствие. И если при осуждении стратегов экспедиции Фрасибула была соблюдена законность: решение выносило Народное собрание, — то в последнем случае, как мы видели, обвиняющая сторона пошла гораздо дальше и не сделала процесс открытым.

Народ мог чувствовать себя обманутым: неудачи следовали одна за другой. В 389 г. посланный на Эгину с 10 триэрами и гошлитами стратег Памфил (после грабительских набегов эгинцев на Аттику) сам попал с войском в окружение, откуда выбрался только через пять месяцев; афинский же флот был рассеян Телевтием. Афины

⁸⁴ G. G l o t z, La Grèce au IV-e siècle: La lutte pour l'hégémonie (404—336), P., 1936, стр. 96. Автор считает возбудителем народного гнева Агиррия на том лишь основании, что он пришел на смену Фрасибулу на посту наварха, иными словами, Агиррий действовал из корыстных целей, стремясь к руководству. На наш взгляд, для такого предположения оснований недостаточно.

⁸⁵ С о б о л е в с к и й, Введение к XIX речи, в кн.: Л и с и й, Речи, стр. 282.

⁸⁶ Там же.

ничего не получили и от этой военной экспедиции⁸⁷. Пустая трата казенных средств вызывала раздражение народа. Памфил был обвинен в расхищении общественных фондов во время его экспедиции. Однако процесса над ним не получилось, так как он смог откупиться пятью талантами.

Таким образом, если в начале войны преимущественным влиянием в Афинах пользовались радикальные демократы, возглавлявшие провоенные силы, в период переговоров о мире имело место некоторое равновесие сил (участие Андокида в посольстве и дальнейший процесс над послами — свидетельство переменного успеха во внутренней борьбе), то начало 80-х годов принесло афинянам как неудачи в войне, ибо три последних года ничего не дали (несмотря на усилия Ификрата, Понт вновь был закрыт для афинской торговли⁸⁸), так и преобладание антивоенных и антидемократических сил — логическое завершение войны, в которую Афины вступили по инициативе радикальных демократов. Полис был готов к поражению.

Длительная война между Спартой и коалицией греческих городов принесла наибольший успех персидскому царю, получившему малоазийские города, Кипр и Клазомены⁸⁹. Цена, заплаченная афинянами за войну, значительно превосходила ее эффект для Афин, но говорить о полном поражении полиса не приходится. Надежды не осуществились, восстановить морскую державу не удалось, пришлось отказаться от всех завоеваний первых лет ввиду превосходства неприятеля на море, но город сохранил Длинные стены, флот и острова Фракийского моря, которые были базисом господства на море, опорным пунктом в борьбе за восстановление морского союза.

Итак, как прежде 403 г. принес поражение крайним олигархам, так 389—386 гг. — радикальным демократам⁹⁰, стремившимся к восстановлению союза крайними средствами. И после заключения мира они перестали пользоваться влиянием в политической жизни города. Принятие Афинами условий Царского мира явилось победой умеренных кругов⁹¹. И это вполне естественно, ибо после каждого поражения или внутреннего переворота, совершавшегося также в результате внешних потерь, в которые государство попадало по вине той или иной крайней группировки (404/403 г. — террор крайних олигархов, 394—386 гг. — осуществление политического курса радикальных демократов), наступал период господства умеренных слоев общества. Уже в конце войны и в первые годы после заключения мира в Афинах был выработан новый курс и иные методы решения внешнеполитических задач, приведшие к созданию Второго Афинского морского союза.

Г. Т. Залубовина

THE POLITICAL STRUGGLE IN ATHENS, 403—387 B. C.

by G. T. Zalyubovina

Three phases may be distinguished in the evolution of Athenian political life after the restoration of democracy in 403 B. C., as democratic rule was strengthened and stabilised and the city gradually re-entered the international arena. First came a period of reorganisation (403—400 B. C.), when leadership fell to adherents of the moderate «The-ramenes» course. These were representatives of the richest strata in the spheres of trade, industry and finance, interested in] expanding external contacts and forming an inter-Hellenic market, not at all inclined towards the isolationist positions of the oligarchy on the one hand or, on the other hand, towards the extreme methods in foreign policy

⁸⁷ Xen., Hell. V, 1, 2.

⁸⁸ Подвоз хлеба из Понта в Афины был отрезан, так как Геллеспонт контролировался флотом Анталкида из 80 триер — Xen., Hell. V, 1, 25—28.

⁸⁹ Xen., Hell. V, 1, 31.

⁹⁰ M. Croiset, Aristophane et les partis à Athènes, P., 1906, стр. 271.

⁹¹ Ср. Velosch, ук. соч., стр. 131; Бузескул, ук. соч., стр. 412; Тюменев, Очерки..., т. III, стр. 58.

favoured by the radical democracy. Their principal task was to ensure observance of the amnesty of 403 B. C. and thanks to their efforts all attempts at direct prosecution for participation in the oligarchical regime were blocked. The political struggle between the radical democrats and the moderates over further democratisation was carried on in the lawcourts, both sides acknowledging the restraints of law. The second phase (399—96) was marked by a campaign of those at the head of affairs against manifestations of political indifferentism on the part of private individuals. The most typical court actions of this period were directed against abuse of office. In the third phase (from the middle of the 90's), with the internal situation stabilised and hostility towards the Spartan hegemony growing, it became possible for Athens to deal with problems of foreign policy. At this point leadership passed to the radical democrats, representing those who were bent on an open break with Sparta, whatever the cost. The conflict was now between the pro- and anti-war groups, between two different ways of accomplishing the main task: the restoration of Athenian maritime power. The Corinthian War brought new triumphs and new defeats to the radical democrats, depending on the sway of battle. During the war the political influence of the oligarchs grew, and they were the most resolute faction in the anti-war group. When the war went against Athens they were joined by the moderates, which from the early 80's on considerably strengthened the anti-war group as a whole. The political struggle intensified. Large sections of the demos, who earlier supported the pro-war group, now vented their wrath on the war party. There was a spate of political trials in Athens, this time directed against the radical democrats, and these trials led to the final eclipse of the radical democrats. Acceptance of the peace terms in 387/6 meant a new victory for the moderates.
